

Прерванная жизнь

Автор:

Сюзанна Кейсен

Прерванная жизнь

Сюзанна Кейсен

Young Adult. Легендарные книги

«Прерванная жизнь» Сюзанны Кейсен стала культовой книгой своего времени, но настоящую популярность снискала годы спустя, когда Джеймс Мэнголд снял одноименный фильм с Вайноной Райдер и Анджелиной Джоли.

«Прерванная жизнь» – это автобиографический роман, повествующий о сложном периоде жизни обычной девушки. После неудавшейся попытки суицида юная героиня оказывается в «параллельной вселенной» – психиатрическом госпитале. И с этого момента все, что она знала об окружающем мире, людях и даже о себе, оказывается под сомнением.

Сюзанна Кейсен

Прерванная жизнь

Susanna Kaysen

Girl, Interrupted

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Copyright © 1993 by Susanna Kaysen

© Степанов А., перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2018

Касательно топографии параллельной вселенной

Меня часто спрашивают: а как ты туда попала? На самом деле людям хочется знать, насколько велики их шансы тоже тут оказаться. У меня нет ответа на этот незаданный вопрос. Одно скажу: попасть сюда несложно.

Нет ничего сложного и в том, чтобы проскользнуть в какую-нибудь параллельную вселенную. Их так много: вселенные преступников, увечных, умирающих, да и мертвых, наверное, тоже. Эти миры существуют параллельно с нашим и похожи на него, но не являются его частью.

Джорджина, моя соседка по палате, загремела сюда молниеносно и бесповоротно – еще когда была на третьем курсе в колледже Вассар. Она сидела в кинотеатре, смотрела фильм, как вдруг на нее обрушилась огромная волна мрака. Мир вдруг исчез – несколько минут его просто не существовало. Она знала, что сошла с ума. Она огляделась, чтобы проверить, не случилось ли с остальными зрителями то же самое; но нет, все были полностью погружены в события на экране. В зале было темно, и этот мрак, наложенный на мрак в ее голове, становился невыносимым. Она кинулась к выходу.

– И что потом? – спросила я у нее.

– Сплошной мрак, – ответила она.

Но в большинстве своем люди перебираются в параллельные миры постепенно, проделывая сначала маленькие отверстия в перегородке между «здесь» и «там», пока не появится достаточно крупное отверстие. А когда оно появляется, кто ж тут устоит?

В параллельной вселенной законы физики не действуют. Поднявшееся вверх не обязательно упадет, всякое тело лишь изредка продолжает удерживаться в состоянии покоя, и уж тем более не стоит рассчитывать на то, что каждое действие обязательно вызовет равное по силе и противоположное по направлению противодействие. И время там другое. Оно может бежать по кругу, может течь в обратном направлении, может двигаться скачками. Сама суть вещей подвижна на молекулярном уровне: столы могут сделаться часами, лицами или цветами.

Но обо всем этом узнаешь не сразу.

Вот еще одна удивительная особенность параллельной вселенной: из нашего мира ее не видно, но, оказавшись там, можно спокойно увидеть мир, из которого ты пришел. Иногда мир этот кажется громадным и зловещим, подрагивающим, как огромный кусок желе, но бывает и по-другому: когда он крохотный и заманчивый, летит по своей орбите и блестит. Как бы то ни было, проигнорировать его в любом случае не получится.

Из окон любой камеры Алькатраса виден Сан-Франциско.

Такси

– У тебя тут прыщ, – сообщил врач.

А я-то надеялась, что никто не заметит.

- Ты пыталась его выдавить, - продолжил он.

Когда я проснулась - а тем утром я рано проснулась, чтобы не опоздать к доктору - мой прыщ был уже на сносках, он буквально молил о том, чтобы его выдавили. Он жаждал свободы. Высвобождая его из-под маленькой беленькой шапочки, выжимая его до крови, я почувствовала, что исполнила свой долг. Я сделала все, что могла для этого прыща.

- Ты постоянно выдавливаешь прыщи, это навязчивое движение, - не унимался врач.

Я кивнула. Он бы все равно не замолчал, пока я бы с ним не согласилась, так что я кивнула.

- У тебя есть парень?

Я снова кивнула.

- С ним бывают проблемы?

На самом деле это даже и не вопрос был - он сам за меня кивнул.

- И ты постоянно выдавливаешь прыщи, - повторил он, а потом вдруг выскочил из-за своего стола и бросился ко мне. Это был смуглый толстый мужчина, с большим пузом, натянутым как барабан.

- Тебе нужно отдохнуть, - заявил он.

Отдохнуть мне действительно стоило - главным образом, потому, что в тот день я встала рано, чтобы приехать к доктору за город. На трамвае. С двумя пересадками. Чтобы попасть на работу, мне нужно было проделать тот же путь в обратном направлении. От одной только мысли об этом опускались руки.

- А тебе самой так не кажется? - не отходил он от меня. - Тебе самой не кажется, что нужен отдых?

- Да, - ответила я.

Он размашистыми шагами направился в соседнюю комнату. Вскоре я услышала, как он разговаривает с кем-то по телефону.

Впоследствии я частенько размышляла о следующих десяти минутах – моих последних десяти минутах. Мой первый импульс: встать и выйти, пройти обратно на улицу, потом пару перекрестков до трамвайной остановки и подождать трамвая, который отвезет меня обратно к моему парню, от которого одни проблемы, обратно на работу в магазине кухонной утвари. Но у меня не было на все это сил.

Врач вошел обратно в комнату с весьма самодовольным и важным видом.

– Я нашел тебе место в палате, – объявил он. – Там и отдохнешь. Всего лишь пару недель, хорошо? – Он сказал это примирительным тоном, чуть ли не умоляюще, и в этот момент мне стало боязно.

– Давайте в пятницу, – предложила я. Дело было во вторник, и, может, до пятницы я бы туда перехотела.

Врач навалился на меня всем своим пузом и сказал:

– Нет, не в пятницу. Сейчас же.

Мне это показалось не совсем разумным.

– Но у меня планы на обед, – возразила я.

– Можешь про них забыть. Ты не обедать поедешь, а в больницу, – отрезал он с видом триумфатора.

Мы находились за городом, на часах не было и восьми, так что вокруг царила тишина. Добавить к сказанному нам обоим было нечего. Я услышала, как к дому подъезжает такси.

Он взял меня под локоть – зажал своими толстыми пальцами как клешней – и вывел на улицу. Он открыл заднюю дверь такси и затолкал меня вовнутрь. На

какое-то мгновение его большая голова очутилась вместе со мною внутри такси. Но потом он отпустил мою руку и захлопнул дверь.

Водитель приспустил стекло со своей стороны.

– Куда?

– Отвезите ее в больницу МакЛин, – ответил он. – И не дайте ей выскочить по дороге, – прибавил он.

Я откинулась на подголовник и закрыла глаза. Теперь хотя бы не надо ждать трамвая, и на том спасибо.

Этиология

Этот человек:

(выберите один ответ)

1. Совершает опасное путешествие, и мы узнаем много нового, когда он/она из него вернется

2. Одержим:

(выберите один ответ)

a) богами

b) богом (т. е. является пророком)

c) злыми духами или демонами

d) дьяволом

3. Является ведьмой (колдуном)
4. Заколдован (вариант пункта 2)
5. Является злодеем, которого необходимо изолировать и наказать
6. Болен, и его/ее необходимо изолировать и лечить с помощью:

(выберите один ответ):
 - a) пиявок и промывания кишечника
 - b) удаления матки (если таковая имеется)
 - c) электрошоковой терапии
 - d) обертывания в холодные мокрые простыни
 - e) торазина или стелазина
7. Болен, и на протяжении семи лет должен говорить о своем недуге
8. Является жертвой нетерпимости общества к поведению, не соответствующему его нормам
9. Вменяем, а мир безумен
10. Совершает опасное путешествие, из которого, возможно, никогда не вернется

Огонь

Одна из нас подожгла себя в детстве. Облила бензином и подожгла. Она была слишком маленькой, чтобы водить машину, и я все думала, откуда она взяла бензин. Пришла к соседям и сказала, что папе нужна канистра? Эти мысли лезли в голову каждый раз, когда я ее видела.

Скорее всего, бензин затек во впадинки у ключицы, поскольку сильнее всего у нее были обожжены шея и щеки, испещренные толстыми бороздами белых и светло-розовых шрамов. Шрамы были настолько жесткими и большими, что она даже голову не могла повернуть, и чтобы увидеть стоящего рядом человека, ей приходилось поворачиваться всем телом.

Шрамы безлики. Они совсем не такие, как обычная кожа. Они не выдают ни возраста, ни болезни, ни бледности, ни загара. На них нет волосков, нет морщин. И пор в них тоже нет. Они как чехол: защищают и скрывают то, что под ними. Потому мы ими и обрастаем – нам есть что скрывать.

Ее звали Полли. Наверное, в те дни – или месяцы – когда она обдумывала самоубийство, это милое имя казалось ей нелепым, но оно очень ей подходило теперь, в ее зачехленной жизни человека, который сумел выжить после такого. По ней никогда было нельзя сказать, что она несчастна. Она была добра к несчастным людям, утешала их. Она никогда не жаловалась. И у нее всегда находилось время, чтобы выслушать жалобы других. Она была безупречна в своей непроницаемой розово-белой оболочке. Что бы ни заставило ее совершить этот поступок, что бы ни прошептало: «Умри!» в ее когда-то идеальное, а теперь изрезанное шрамами ушко, она выжгла все это дотла.

Зачем она это сделала? Никто не знал. И никто не отваживался спросить. Это ж сколько надо храбрости, чтобы поджечь себя! Двадцать таблеток аспирина, легкий надрез вдоль вены, полчаса страданий на краю крыши – через это мы все проходили. Некоторые заходили еще дальше и засовывали в рот ствол пистолета. И вот он у тебя во рту, ты чувствуешь вкус металла, пистолет холодный и маслянистый, палец лежит на курке, и только тогда осознаешь, насколько велика пропасть между этим мгновением и тем, о котором ты так долго думала – когда ты спустишь курок. Эту пропасть тебе не преодолеть. Ты кладешь пистолет обратно в ящик. Придется найти другой выход.

Каким был этот момент для нее? Когда она зажгла спичку. Интересно, перепробовала ли она сначала крыши, пистолеты и аспирин? Или просто ее внезапно осенило?

Меня однажды так осенило. Одним утром я проснулась с ясным осознанием того, что сегодня мне надо съесть пятьдесят таблеток аспирина. Это был главный пункт в списке дел на день. Я выложила таблетки в линию на столе и принялась глотать одну за другой, скрупулезно их отсчитывая. Только это же не совсем то, что сделала она. Я могла остановиться после десятой или тридцатой таблетки. А еще могла выйти из дома и потерять сознание – так я и поступила в итоге. Полсотни таблеток аспирина – это очень много, но выйти на улицу и лишиться там чувств, – это как убрать пистолет обратно в ящик.

А она зажгла спичку.

Где? Дома, в гараже, чтобы ничего лишнего не загорелось? В чистом поле? В школьном спортивном зале? В пустом бассейне?

Кто-то ее нашел, но не сразу. Кто ж теперь станет ее целовать, человека без кожи?

Она задалась этим вопросом, когда ей было восемнадцать лет. К тому моменту она провела с нами год. Одни бесновались и вопили, другие сидели, съежившись, и плакали, а Полли смотрела на всех них с улыбкой. Она присаживалась возле перепуганных и успокаивала их своим присутствием. В ее улыбке не было ни капли злости, только понимание. Жизнь – это ад, она прекрасно это понимала. Но, судя по улыбке, она все это в себе выжгла. Еще в этой улыбке были нотки собственного превосходства, поскольку больше никому не хватало смелости выжечь это ощущение в себе. Но и к этому она относилась с пониманием. Люди все разные. И все стараются по мере сил.

Как-то утром мы услышали плач, но утренние часы редко бывают спокойными: одни не хотят рано вставать по расписанию, другие жалуются на ночные кошмары. Полли была такой тихой, такой незаметной, что мы даже не обратили внимания на ее отсутствие за столом. После завтрака плач не прекратился.

– Кто это плачет?

Никто не знал.

Плач не утих и к обеду.

- Это плачет Полли, - сообщила Лиза, которая всегда все знала.

- Почему?

Этого даже Лиза не знала.

Под вечер плач превратился в вопли и крики. Сумерки - это вообще время опасное. Поначалу это были просто вопли: «Ааааа!» и «Эээээ!», но вскоре мы услышали слова.

- Мое лицо! Мое лицо! Мое лицо!

Какие-то голоса пытались ее успокоить, бубнили что-то убаюкивающим тоном, но она до поздней ночи продолжала выкрикивать эти два слова.

- Я так и думала, что рано или поздно это произойдет, - заявила Лиза.

Мне кажется, в этот момент мы все вдруг ощутили, какие ж мы были тупицы.

У нас еще есть шанс когда-нибудь выйти отсюда, а вот ей суждено сидеть взаперти в собственном обожженном теле до самой смерти.

Свобода

Лиза опять сбежала. Мы грустили, потому что она всегда умела нас приободрить. С ней всегда было весело. Ох уж эта Лиза! Даже спустя все эти годы не могу вспоминать ее без улыбки.

Что самое паршивое, ее всегда ловили и притаскивали обратно - грязную, с диким взглядом человека, который видел волю. Она с такой выдумкой проклинала своих пленителей, что даже местные старожилы, которые всякого повидали на своем веку, смеялись над прозвищами, которыми она их награждала.

– Пердуля-кастрюля! – вопила она. И еще, из любимого: – Кошёлка шизофреническая!

Обычно им хватало дня, чтобы ее поймать. Далеко уйти она и не могла – пешком и без денег. Но в этот раз ей, кажется, повезло. На третий день, проходя мимо поста медсестры, я случайно услышала обрывок телефонного разговора: что-то про ориентировку и объявление в розыск.

Опознать Лизу не составит труда. Она редко ела, никогда не спала, была из-за этого очень худой, а кожа приобрела желтоватый оттенок – так обычно и бывает, когда человек голодает. Не говоря уж про огромные мешки под глазами от недосыпа. Волосы у нее были темные и давно не мытые – она собирала их в хвост с помощью серебряной заколки. А еще у нее были самые длинные пальцы, которые я видала в своей жизни.

На сей раз санитары, которые приволокли ее назад в отделение, были взбешены не меньше нее. Двое рослых мужчин вели ее под руки, а третий тянул за волосы так сильно, что у Лизы глаза вылезали из орбит. Все умолкли, и Лиза тоже. Ее отвели в самый конец коридора, в изолятор, а мы просто наблюдали за происходящим.

Мы вообще много чего повидали. Как Синтия возвращается каждую неделю после электрошоковой терапии вся в слезах. Как Полли трясет от того, что ее обернули в ледяные простыни. Но страшнее всего было увидеть Лизу после двух дней в изоляторе.

Во-первых, ей до основания состригли ногти. У нее были красивые ногти, она много с ними возилась – придавала им нужную форму, полировала до блеска. Эти заявили, что ее ногти – это «колюще-режущие предметы».

А еще они отняли у нее пояс. Лиза все время носила дешевый вышитый бисером пояс, на манер тех, что делают индейцы в резервациях на продажу туристам. Пояс был зеленый, с красными треугольными вставками, он принадлежал ее брату Ионе – единственному члену ее семьи, который не забыл про нее и поддерживал связь. Родители не хотели ее навещать из-за того, что она – социопат. По крайней мере, она так говорила. Пояс у нее отняли, чтобы она не смогла повеситься.

Они не понимали, что Лиза никогда бы в жизни не повесилась.

Ее в итоге выпустили из изолятора, отдали пояс, ногти у нее вновь начали отрастать. Но та Лиза, которую мы знали, к нам не вернулась. Она целыми днями просиживала перед телевизором и пялилась в экран вместе с самыми безнадежными из нас.

Раньше Лиза никогда не смотрела телевизор. Это занятие не вызывало у нее ничего, кроме презрения. «Это же дерьмо! – орала она, заглядывая в рекреационную. – Вы и так почти как роботы. А от телевизора вам становится только хуже». Иногда она выключала телевизор, становилась перед экраном и ждала, пока кто-нибудь осмелится подойти и включить его. Но основная телевизионная аудитория – это кататоники и страдающие от депрессии, которые и так передвигались неохотно. Через пять минут – а примерно столько Лиза могла простоять на одном месте – она уже переключалась на что-то другое, а как только в поле зрения появлялась дежурная сестра, Лиза снова включала телевизор.

Поскольку в течение двух лет, проведенных с нами здесь, Лиза совершенно не спала, медсестры перестали отправлять ее по вечерам спать. Вместо этого она садилась на собственный стул в коридоре – точно такой же, как у ее ночных сестер, – и занималась своими ногтями до утра. У Лизы получалось отменное какао, и в три часа ночи она варила его для дежурных медсестер и всех тех, кто не спал. Ночью она была поспокойнее.

– Лиза, а почему по ночам ты не носишься и не вопишь? – спросила я ее однажды.

– Мне тоже нужен отдых, – ответила она. – Я не сплю, но это еще не значит, что я не отдыхаю.

Лиза всегда знала, что ей нужно. Например, она говорила: «Мне нужно отдохнуть от этого места». И сбегала. Когда она возвращалась, мы расспрашивали ее о том, каково там, снаружи.

– Тот мир жесток, – отвечала она. Она, как правило, была даже немного рада вернуться в больницу. – Ради тебя никто и пальцем не пошевелит.

В этот раз она вообще ничего не говорила, а все свое время проводила, уткнувшись в телевизор. Она смотрела все подряд: проповеди, настроечную таблицу, ночные ток-шоу и утренние новости. Ее стул в коридоре пустовал, и все остались без какао.

- Ей что-то прописали? – спросила я как-то у дежурной.

- Ты же прекрасно знаешь, что мы не можем обсуждать курс лечения с пациентами, – ответила та.

Тогда я спросила у старшей сестры. Я ее знала еще с тех времен, когда она была обычной медсестрой. Но ответила она так, будто всегда была старшей.

- Мы не имеем права обсуждать курс лечения, ты же в курсе.

- Да какие тут могут быть вопросы? – возмутилась Джорджина. – Конечно, чем-то ее пичкают. Она ж совершенно обдолбанная.

- Но ходит же она вполне нормально, – не согласилась Синтия.

- А я – нет, – встряла Полли.

Она и правда раньше ходила, волоча ноги и выставив руки вперед, ее красно-белые кисти при этом безвольно свисали. Холодные простыни не помогали, она так и кричала по ночам, пока ее не посадили на какие-то таблетки.

- Но не все время, – заметила я. – В самом начале нового курса лечения ты ходила совершенно нормально.

- А вот теперь – нет, – ответила она и принялась разглядывать свои ладони.

Я спросила Лизу, дают ли ей что-нибудь, но она даже не посмотрела на меня.

Так у нас прошел месяц, а то и два. Лиза сидела с кататониками перед телевизором, Полли шаталась как зомби, Синтия плакала после электрошока («Мне не плохо, – объясняла она мне. – Просто не могу удержаться от слез»), а мы с Джорджиной проводили время в нашей двухместной палате. Нас считали

самыми здоровыми.

С наступлением весны Лиза стала проводить чуть меньше времени перед телевизором. Вместо этого она начала засиживаться в туалете, но это была хоть какая-то перемена.

- Что она там делает? - спросила я как-то у дежурной сестры.

Медсестра явно была новенькая.

- А я что, проверять обязана, кто там что делает в туалете?

Я решила на ней оторваться, мы частенько так поступали с новичками:

- Да там и минуты хватит, чтобы повеситься! Вы вообще понимаете, где находитесь? Вам здесь что, институт благородных девиц?

Когда я договорила, мое лицо было практически у ее носа, что ее явно раздражало. Персонал вообще не любил даже намеков на физический контакт с нами.

Я заметила, что Лиза все время ходит в разные туалеты. Их было четыре, и за день она обходила их все. Выглядела она плохо. Поясок свободно болтался на бедрах, а кожа казалась даже желтее обычного.

- Может, у нее дизентерия, - предположила я.

Но Джорджина была уверена, что все дело в таблетках, которыми ее пичкают.

Так мы дожили до мая, когда однажды утром, за завтраком, мы услышали звук захлопывающейся двери. На кухню зашла Лиза.

- Телевизор подождет, - только и сказала она.

Она налила себе большую чашку кофе, прямо как раньше, и уселась за наш стол. Она улыбнулась нам, и мы улыбнулись в ответ.

- Уже скоро, - таинственно произнесла она.

Мы услышали в коридоре какую-то беготню и возбужденные голоса, повторяющие: «Да что же это...» и «Да как же это...» Потом вошла старшая сестра и сказала Лизе:

- Это твоих рук дело!

Мы вышли посмотреть, что же произошло.

Лиза обмотала туалетной бумагой всю мебель в рекреационной комнате (вместе с сидящими на ней кататониками), телевизор, даже противопожарные опрыскиватели на потолке. Бесконечные метры бумаги липли ко всему, свисали отовсюду, все вокруг было в бумаге. Красота!

- Она не обдолбанная была, - сказала я Джорджине. - Она просто готовилась.

Лето у нас было классное. Лиза рассказала кучу историй о том, как она провела те три дня на свободе.

Секрет жизни

Однажды меня пришли навестить. Я сидела в рекреационной и наблюдала за тем, как Лиза пялится в телевизор, как вдруг вошла медсестра и сказала мне:

- К тебе пришли. Мужчина.

Это явно не мой злосчастный парень. Во-первых, он к тому времени уже не был моим парнем. Как у кого-то, запертого здесь, вообще может быть парень? И потом, он не мог себя заставить навещать меня тут. Оказывается, его мама тоже какое-то время провела в психушке, и он как мог избегал напоминаний об этом.

Это не отец - он вечно занят.

И точно не мой школьный учитель английского – его уволили, он уехал в Северную Каролину.

Я пошла посмотреть, кто же это пришел.

Он стоял в гостиной и смотрел в окно – высокий, как жираф, с тусклыми взъерошенными волосами и покатыми плечами научного работника, руки его торчали из коротковатых рукавов пиджака. Услышав, что я вхожу, он повернулся в мою сторону.

Это был Джим Уотсон. Я была рада его видеть, поскольку он еще в пятидесятых разгадал секрет жизни, и, быть может, он приехал поделиться разгадкой со мной.

– Джим! – воскликнула я.

Он медленно направился в мою сторону. Он медленно двигался, мялся в нерешительности, а то и вовсе терялся в собственных мыслях, когда должен был говорить с людьми – тем он мне и нравился.

– Ты неплохо выглядишь, – сказал он.

– А ты чего ожидал? – удивилась я.

Он пожал плечами.

– Что они с тобой здесь делают? – шепотом спросил он.

– Ничего, – ответила я ему. – Ничего они тут не делают.

– Ужасное место, – сказал он.

Гостиная действительно была чуть ли не самой ужасной комнатой во всем отделении. Она была огромная, заставленная огромными креслами из кожзаменителя с виниловым покрытием, которые пердят, стоит только на них присесть.

- На самом деле не так уж тут и плохо, - возразила я. В отличие от него, я уже привыкла к этому месту.

Все тем же медленным шагом он вернулся к окну и поглядел наружу. Он медленно подошел к окну и выглянул в него. Постояв так немного, он подозвал меня жестом длинной руки.

- Смотри, - он вытянул руку, указывая на что-то за окном.

- Куда?

- Вон там, - он указывал на машину. Что-то красное и спортивное, MG наверное. - Моя! - отметил он. Наверное, он купил ее на деньги, которые ему заплатили, когда он получил Нобелевскую премию.

- Симпатичная, - сказала я. - Даже очень.

Он опять перешел на шепот:

- Мы могли бы отсюда уехать.

- В смысле?

- Мы с тобой могли бы отсюда уехать.

- На машине, что ли? - Я окончательно запуталась. В этом и заключался секрет жизни? Главный секрет жизни - это бегство?

- Меня будут искать, - объяснила я.

- Это быстрая машина, - ответил он. - Я мог бы увезти тебя отсюда.

Он явно хотел мне помочь, но я внезапно поняла, что это мне надо помочь ему не наделать глупостей.

– Спасибо, – сказала я ему. – Спасибо за предложение. Это очень мило с твоей стороны.

– Неужели ты не хочешь уехать отсюда? – наклонился он ко мне. – Мы могли бы отправиться в Англию.

– В Англию? – переспросила я, вообще не понимая, при чем тут Англия. – Я не могу взять и уехать в Англию.

– Ты могла бы работать гувернанткой, – предложил он.

Секунд десять я пыталась представить себе ту жизнь, где я сажусь в красную машину Джима Уотсона, машина срывается с места и мы несемся в аэропорт. Дальше было сложнее. Я плохо себе представляла жизнь гувернантки. Я вообще всю эту жизнь после побега плохо себе представляла. То ли дело обитые кожзамом кресла, решетки на окнах и дребезжание звонка перед тем, как открывается дверь дежурки, – тут ничего представлять не надо, все очень ясно и понятно.

– Сейчас я здесь, Джим, – сказала я. – И мне кажется, я должна здесь остаться.

– Хорошо.

Похоже, он совершенно не обиделся. Напоследок он окинул гостиную взглядом и покачал головой.

Я осталась возле окна. Я осталась у окна. Через несколько минут я увидела, как он садится в свою красную машину и уезжает, оставляя за собой белые клубы «спортивного» выхлопа. Я направилась обратно в рекреационную в надежде застать там Лизу.

– Привет, Лиза, – радостно сказала я.

Лиза промычала что-то нечленораздельное в ответ. Я уселась рядом с нею, и мы уставились в телевизор.

Политика

В нашем параллельном мире зачастую случалось то, что за стенами больницы еще не произошло. И когда оно наконец-то происходило там, мы уже не удивлялись, ведь мы уже пережили это событие в том или ином виде. История устраивала для нас репетицию, словно режиссер, который сначала проводит прогон нового спектакля для провинциальной публики в каком-нибудь Нью-Хейвене и только потом показывает его в Нью-Йорке.

Возьмите хотя бы историю про Джорджинино парня Уэйда и сахар.

Познакомились они в столовой. Уэйд был смуглым и симпатичным, но выглядел он при этом совершенно заурядным американским парнем. Зато ярости в нем было столько, что устоять было невозможно. Джорджина говорила, что все дело в его отце.

– Папа у него шпион, а Уэйда бесит, что он никогда не станет таким же крутым, как отец.

Отец Уэйда интересовал меня куда больше, чем уэйдовы комплексы.

– Наш шпион? – уточнила я.

– Разумеется, – ответила мне Джорджина, но дальше распространяться не стала.

Уэйд с Джорджиной садились на пол в нашей палате и шептались. Я была третьей лишней, и потому, как правило, оставляла их наедине. Но как-то раз я решила никуда не уходить и разузнать побольше об отце Уэйда.

Уэйд обожал про него рассказывать.

– Он живет в Майами, ему там до Кубы рукой подать. Он принимал участие во вторжении на Кубу, убил там несколько десятков человек, причем голыми руками. А еще он знает, кто на самом деле убил Кеннеди.

– Это он его убил? – спросила я.

– Вряд ли, – ответил Уэйд.

Фамилия Уэйда была Баркер.

Честно говоря, я не верила ни единому слову из рассказов Уэйда. Как ни крути, он был безумным семнадцатилетним парнем, к тому же настолько буйным, что без помощи пары сильных санитаров было временами не обойтись. В этом случае ему запрещали покидать пределы мужского отделения и не пускали к нему Джорджину. Ему обычно хватало недели, чтобы угомониться, тогда запрет снимали, и он снова мог заходить к нам и сидеть на полу.

Из всех отцовских друзей самое сильное впечатление на Уэйда производили Лидди и Хант. «Эти типы способны на все», – говорил он. Судя по тому, насколько часто он это говорил, Лидди с Хантом не на шутку его беспокоили.

Джорджине не нравилось, что я лезу к Уэйду с расспросами, и она демонстративно меня игнорировала, когда я подсаживалась к ним на пол. Но сдержать я себя не могла:

– На что способны? – допытывалась я. – Что они такого могут сделать?

– Я не могу раскрывать эту информацию, – сухо отвечал Уэйд.

У Уэйда вскоре начался очередной буйный период, на этот раз он растянулся на несколько недель.

Оставшись на время без визитов Уэйда, Джорджина совершенно не понимала, чем себя занять. Часть вины за его отсутствие лежала на мне, и поэтому я постоянно что-нибудь придумывала. «Давай переставим мебель в комнате, – предлагала я. – Давай сыграем в скрэббл, или давай приготовим что-нибудь вкусненькое».

Идея приготовить что-нибудь вкусненькое ее заинтересовала.

– Давай сделаем леденцы, – решила она.

Для меня было открытием, что два человека на обычной кухне могут сделать леденцы. Я всегда думала, что для их производства нужен конвейер и сложное оборудование, как для автомобилей.

Но Джорджина меня уверила, что кроме сковородки и сахара нам ничего не понадобится.

– Когда сахар расплавится, – объясняла она, – мы будем понемногу выливать его на бумагу для выпечки, и получатся маленькие леденцы.

Сестры отнеслись к нашему занятию с умилением.

– Это ты тренируешься, чтобы готовить Уэйду, когда вы с ним поженитесь? – спросила одна из них.

– Сомневаюсь, что Уэйд из тех, кто женится, – ответила ей Джорджина.

Не надо обладать большим опытом в приготовлении леденцов, чтобы понимать, что плавится сахар при очень высокой температуре. И как только он этой температуры достиг, ручка выскользнула из моих ладоней и пол-сковородки жидкого сахара выплеснуло прямо на руку Джорджине, которая придерживала воощеную бумагу по краям.

Я заорала как резаная, а Джорджина даже не пискнула. На мой крик сбежались сестры, они принесли лед, мази и бинты. Я продолжала орать, а Джорджина спокойно стояла, вытянув перед собой засахаренную руку.

Не помню, кто именно это был, но во время сенатских слушаний по Уотергейтскому делу то ли Говард Хант, то ли Гордон Лидди заявил, что каждую ночь держал ладонь над пламенем свечи, пока кожа не начинала плавиться, чтобы быть уверенным в том, что он сможет выдержать пытки.

Кто бы из них это ни сказал, нам все это уже было знакомо: операция в заливе Свиней, обожженная кожа, способные на все убийцы, которым даже оружие не нужно. И я, и Джорджина, и Уэйд видели репетиции, а медсестры даже писали на них рецензии: «Пациентка продемонстрировала недостаточную эмоциональную реакцию на инцидент», или вот еще: «Пациент продолжает

фокусироваться на фантазии об отце – агенте ЦРУ и его опасных друзьях».

Если бы вы здесь жили, то были бы уже дома

Дэйзи была сезонным явлением. Она появлялась каждый год в ноябре перед Днем благодарения и оставалась с нами до Нового года. Иногда она еще появлялась в мае, на свой день рождения.

Ей всегда давали одноместную палату.

– Кто-нибудь хочет переехать в двухместную палату? – спросила одним ноябрьским утром старшая сестра на еженедельном собрании в холле. Все напряглись. Поскольку мы с Джорджиной и так жили вместе в двухместной палате, мы могли расслабиться и насладиться неразберихой.

– Я! Я хочу! – подняла вверх руку одна девица, чей парень был марсианином, но при этом у нее был крохотный пенис, который она с охотой всем показывала. Ни у кого не было желания делить с ней палату.

– Я бы могла переехать, если кто-нибудь захочет, но, конечно же, никто не захочет, а мне не хотелось бы никого заставлять хотеть этого, – сказала Синтия, которая после полугода электрошоковой терапии иначе уже не разговаривала.

– Я могу поселиться с тобой, Синтия, – пришла ей на помощь Полли.

Но проблемы это не решало, Полли и так жила в двухместной палате. Ее соседкой была новенькая анорексичка по имени Дженет, которой светило принудительное питание, если ее вес опустится ниже 34 килограммов.

Лиза наклонилась ко мне.

– Я видела, как ее вчера взвешивали, – громко заявила она. – Тридцать шесть кило. Через несколько дней она будет валяться под капельницей с трубкой во рту.

- Тридцать шесть – это идеальный вес, – стояла на своем Дженет.

Но то же самое она говорила и про тридцать девять, и про тридцать семь килограммов, так что и с ней никто не хотел жить.

В итоге после недолгой дискуссии в одну палату поместили пару кататоников. Так что Дэйзи могла приезжать. Ее ожидали к пятнадцатому ноября.

У Дэйзи было две страсти: слабительное и курица гриль. Каждое утро она появлялась у стойки, где выдавали лекарства, и нервно по ней барабанила пожелтевшими от никотина пальцами в ожидании слабительного.

- Ну и где мой бисакодил? – шипела она на сестру. – Где лаксигенчик?

Если кто-то стоял слишком близко, она могла дать локтем под дых или наступить на ногу. Дэйзи вообще рьяно охраняла свое личное пространство.

Два раза в неделю ее отец – приземистый мужчина с расплывшимся лицом – приносил ей от мамы целого цыпленка гриль, тщательно завернутого в алюминиевую фольгу. Дэйзи клала цыпленка на колени, поглаживала его через фольгу и нетерпеливо зыркала по сторонам, ожидая, когда папаша наконец уйдет и оставит ее наедине с едой. Но он старался проводить с ней как можно больше времени, поскольку был влюблен в Дэйзи.

Лиза все мне объяснила:

- Он не может поверить, что она у него родилась. Чтобы убедиться в том, что это действительно так, он хочет ее трахнуть.

- Но от нее же воняет, – возразила Полли.

Воняло от нее, разумеется, дерьмом и курицей.

- Не всегда же от нее воняло, – ответила ей Лиза.

Мне казалось, что Лиза права; я и сама заметила, что Дэйзи сексуальная. Пусть от нее воняло, пусть она вечно хмурилась, шипела и раздавала тычки направо и

налево, но зато в ней была искра, которой всем остальным не доставало. Она носила шорты и футболки без рукавов, чтобы всем были видны ее бледные тонкие руки, а за утренним слабительным она обычно ходила неторопливой походкой, беззаботно покачивая задом.

Подруга марсианина тоже была в нее влюблена. Она ходила за Дэйзи по пятам и вкрадчивым голосом предлагала:

- Хочешь покажу мой пенис?

- Да срать я хотела на твой пенис! - огрызнулась Дэйзи.

Никто никогда не был в палате Дэйзи, но Лиза была полна решимости туда попасть. И она придумала, как это сделать.

- Блин, как же живот крутит, - жаловалась она три дня подряд. - У меня запор.

На четвертый день она дождалась от старшей медсестры несколько таблеток лаксигена.

- Не помогло, - сообщила ей Лиза на следующий день. - Есть что-нибудь посильнее?

- Могу предложить касторку, - ответила сестра. Она явно переработала.

- Да вы тут все фашисты, - заорала Лиза. - Дайте мне двойную дозу лаксигена!

Теперь у нее было шесть таблеток лаксигена, можно было начинать торговаться. Лиза подошла к двери в палату Дэйзи.

- Эй, Дэйзи! - крикнула она. - Дэйзи! - повторила она и пнула дверь ногой.

- Иди в жопу, - огрызнулась Дэйзи.

- Эй, Дэйзи!

Дэйзи угрожающе зашипела.

Лиза прижалась к двери и вкрадчиво сказала:

– А у меня есть кое-что такое, что нужно тебе.

– Не гони пургу, – отозвалась Дэйзи, но дверь все же открыла.

Мы с Джорджиной наблюдали за происходящим из глубины коридора. Когда Дэйзи открыла дверь, мы вытянули шеи, чтобы заглянуть внутрь палаты, но у нее не горел свет и мы ничего не смогли разглядеть. Когда же дверь захлопнулась, по коридору пронесся странный сладковатый запах.

Лиза долго не выходила. Нам даже ждать надоело, и мы ушли в столовую обедать.

Лиза отчиталась обо всем во время вечернего выпуска новостей. Она встала перед телевизором и громко, заглушая даже диктора, принялась объяснять:

– У Дэйзи в палате полно курицы. Она ее там ест. Причем у нее есть особый метод поедания цыплят, она мне его продемонстрировала. Сначала она обдирает мясо с костей, чтобы не повредить скелет, причем все, даже с крылышек. Закончив, она кладет скелет на пол рядом со остальными. Всего у нее их девять, кажется. Она говорит, как только наберется четырнадцать, пора будет возвращаться домой.

– А едой она с тобой поделилась? – поинтересовалась я.

– У меня не было ни малейшего желания есть ее омерзительную курицу.

– Но почему она это делает? – спросила Джорджина.

– Вот уж чего не знаю, того не знаю, – призналась Лиза.

– А зачем она все время просит слабительное? – не терпелось узнать Полли.

- Куда ж без него, если ты ешь столько куриного мяса?

- Нет, за этим явно что-то еще кроется, - засомневалась Джорджина.

- Я была у нее, я лучше знаю, - осадила ее Лиза, и после этого разговор утек в совершенно другое русло.

Не прошло и недели, как у нас появился еще один повод поговорить о Дэйзи. Отец купил ей на Рождество квартиру - «гнездышко для влюбленных», как выразилась Лиза.

Дэйзи стала намного больше времени проводить вне палаты, она ходила по отделению с самодовольным видом в надежде, что кто-нибудь спросит про ее новую квартиру.

- Большая у тебя квартира, Дэйзи? - услужливо поинтересовалась Джорджина.

- Там есть спальня, гостиная в форме буквы L и кухня, окна которой выходят на курицу.

- Может, на улицу?

- Дура ты, я так и сказала.

- И где находится твоя квартира?

- Неподалеку от центральной больницы.

- То есть на дороге в аэропорт?

- Неподалеку от центральной больницы. - Дэйзи не хотелось признавать, что ее квартира находится на дороге в аэропорт.

- А что тебе в ней нравится больше всего?

Дэйзи прикрыла глаза и сделала паузу, прежде чем перейти к самому главному:

- Рекламный плакат на доме.

- И что на нем написано?

- «Если бы вы здесь жили, то были бы уже дома». - От избытка эмоций Дэйзи даже стиснула кулачки. - Понимаете, каждый день люди будут ездить мимо него и думать: «А действительно, если бы я здесь жил, то был бы уже дома», а я в это время и так буду дома. И срать я хотела на этих водителей.

В тот год Дэйзи уехала от нас пораньше, чтобы отметить Рождество в новой квартире.

- Она вернется, - отмахнулась Лиза. Но на этот раз она ошиблась.

Однажды в мае нас позвали на экстренное общее собрание.

- Девочки, - начала наша старшая медсестра, - у меня для вас печальная новость.

Мы все невольно подались вперед.

- Вчера Дэйзи покончила с собой.

- Это произошло в ее квартире? - уточнила Джорджина.

- Она застрелилась? - поинтересовалась Полли.

- А кто такая Дэйзи? Я вообще знаю Дэйзи? - не поняла подруга марсианина.

- Она оставила предсмертную записку? - спросила я.

- Подробности значения здесь не имеют, - ответила старшая медсестра.

- У нее же вчера день рождения был, - вдруг вспомнилось Лизе.

Медсестра утвердительно кивнула.

На какое-то время все умолкли, чтобы почтить память Дэйзи.

Мое самоубийство

Самоубийство – это вариация убийства, причем совершенно преднамеренного. Это не тот случай, когда что-то делаешь сразу же после того, как тебе в голову пришла мысль это сделать. Сначала нужно свыкнуться с этой мыслью. Кроме того, как и для любого другого убийства, необходимы: способность, возможность и мотив. Чтобы самоубийство удалось, нужна вдумчивая подготовка и холодный ум, но ни того ни другого не стоит, как правило, ожидать от человека в суицидальном состоянии.

Тут важно уметь чувствовать отстраненность от происходящего. Существует несколько способов, как этого достичь. Например, можно представлять себя мертвым или умирающим. Если вы видите окно, нужно представить, как ваше тело выпадает из проема этого окна. Если нож – следует представить, как этот нож проходит сквозь вашу кожу. Если подходит поезд, то представьте, как ваше тело расплющивает под колесами поезда. Эти упражнения необходимы для достижения нужного уровня отстраненности.

Мотив – это ключевой момент. Если серьезного мотива нет, то вы обречены на провал.

Мои мотивы были очень сомнительными: во-первых, я не хотела писать реферат по истории США, а во-вторых, за несколько месяцев до того я задалась вопросом: «А почему бы мне не покончить с собой?» Если бы я умерла, то необходимость в реферате отпала бы. Да и на мой вопрос ответа можно было бы больше не искать.

Поиски ответа меня выматывали. Дело в том, что стоит этим вопросом задаться лишь раз, и от него никуда не деться. Мне кажется, что множество людей покончило с собой лишь затем, чтобы избавиться от бесконечных размышлений о том, смогут они свести счеты с жизнью или нет.

Не было ни одной мысли, ни одного события, на которые бы я не смотрела сквозь призму этого вопроса. Глупость какую-то сморозила – почему бы не покончить с собой? Опоздала на автобус – лучше положить конец всему! Но и хорошее не оставалось в стороне. Мне понравился тот фильм – может, не стоит убивать себя?

На самом деле я хотела убить только часть себя – ту часть, которая хотела покончить с собой, заставляя меня все время размышлять об этом, превращая любое окно, любой поезд, любой предмет кухонной утвари в реквизиты на репетиции трагедии.

Но поняла я это уже после того, как съела пятьдесят таблеток аспирина.

У меня был парень по имени Джонни, который писал мне любовные стихи – неплохие, кстати. Я позвонила ему и сказала, что собираюсь покончить с собой, положила трубку рядом с телефоном, проглотила полсотни таблеток и поняла, что совершила ошибку. Затем я вышла на улицу – перед тем, как я наелась аспирина, мама попросила меня сходить за молоком.

Джонни позвонил в полицию. Они приехали ко мне домой и рассказали обо всем маме. Мама нашла меня в тот момент, когда я уже теряла сознание посреди мясного отдела.

До магазина идти было всего пять минут, но за это время я успела сто раз пожалеть о том, что натворила. Мне было унижительно признавать, что я совершила ошибку и теперь из-за нее умру. Быть может, из-за этой ошибки я заслужила умереть? Я расплакалась. На какое-то мгновение мне стало жаль саму себя. А потом все вокруг стало расплываться и кружиться. К тому времени, как я дошла до магазина, мир сузился до небольшого пульсирующего туннеля. Я видела только то, что находилось прямо передо мной; в ушах, в висках глухо била кровь. Последнее, что я помню, – это отбивные и стейки, липнущие к полиэтиленовой упаковке.

Промывание желудка привело меня в чувство. Врачи засунули длинную трубку мне в нос и медленно продвинули ее дальше, через гортань, прямо в желудок. Я чувствовала себя так, будто меня душат. А потом началось промывание, и я почувствовала себя так, будто у меня берут кровь в каких-то огромных количествах – внутри у меня все сжималось, стенки желудка прикасались друг к

другу, меня подташнивало, потому что в животе ничего не осталось. Промывание желудка – отличное средство устрашения. Я решила, что в следующий раз точно обойдусь без аспирина.

Но когда процедура закончилась, я задумалась: а будет ли вообще следующий раз? Чувствовала я себя хорошо. Я была жива, но что-то было мертво. Быть может, мне удалось то частичное самоубийство, которое я хотела совершить? Я чувствовала легкость, о которой в последние годы могла только мечтать.

Этой легкости мне хватило на несколько месяцев. Время от времени я делала домашние задания. Я рассталась с Джонни и стала встречаться с учителем английского, который писал стихи еще лучше, чем Джонни, хотя и не посвящал их мне. Я съездила с ним в Нью-Йорк, он сводил меня в музей Фрика посмотреть на Вермеера.

И, что самое странное, неожиданно для себя я стала вегетарианкой.

Я объясняла это тем, что мясо для меня ассоциировалось с самоубийством – я ведь потеряла сознание в мясном отделе. Но я знала, что дело не только в этом.

Полгода я об этом не думала, но и спустя все это время чувствовала себя куском мяса на прилавке – измученным, кровоточащим, задыхающимся под несколькими слоями полиэтилена.

Основы топографии

Наверное, кому-то до сих пор не ясно, как я сюда попала. Должны же быть причины посерьезнее выдавленного прыщика. Я забыла сказать, что врач, которого я, между прочим, видела впервые в жизни, решил меня отправить в больницу после пятнадцати минут общения. Ну максимум двадцати. Что во мне было настолько ненормального, что врачу и получаса не понадобилось, чтобы упрятать меня в психушку? Кстати, он меня обманул: сказал, на пару недель. Но в итоге они растянулись почти на два года. Мне тогда было восемнадцать лет.

Я подписала заявление на добровольную госпитализацию. Выбора у меня все равно не было: либо я соглашаюсь на госпитализацию, либо меня забирают по решению суда, я ведь уже была совершеннолетней. На самом деле, суд никогда бы в жизни не вынес решения о принудительной госпитализации, но тогда я этого не знала и поэтому все подписала.

Для общества я опасности не представляла. Представляла ли я опасность для самой себя? Понятно, что пятьдесят таблеток аспирина – это не шутка, но я же им все объяснила. Это была чистой воды метафора. Я всего лишь хотела избавиться от определенной стороны своей натуры. С помощью этого аспирина я как бы сделала сама себе аборт. И на время это даже помогло. Потом эффект прошел, но мне бы все равно не хватило смелости попробовать еще раз.

Но посмотрите на все это его глазами. На дворе 1967 год, он – состоявшийся профессионал, жизнь его размеренно протекает в пригороде в окружении подстриженных кустов и лужаек, но даже за этим фасадом невозможно укрыться от влияния мира, населенного хамоватой, плывущей по течению, вечно обдолбанной молодежью. Только такие люди, как он, никогда не скажут «влияния», для них это серьезная угроза. Поди разберись, что у этих подростков на уме. И тут к нему в кабинет заходит молодая девица в юбке размером с носовой платок, с прыщами на лице, отвечает односложно. Наркоманка, ясное дело. Он перечитывает имя, наспех записанное в блокноте. А не знаю ли я, случаем, ее родителей? Кажется, я с ними познакомился на одном мероприятии в Гарварде пару лет назад. Или то был Массачусетский технологический институт? Сапоги у нее сношенные, только пальто в неплохом состоянии. Мир жесток, думает он (прямо как Лиза). Будучи человеком сознательным, он не может просто взять и бросить ее обратно в асоциальную пучину, которая то и дело выносит всяких отщепенцев к порогу его кабинета. Для него это была превентивная мера.

Или я слишком добра к нему? Несколько лет назад я прочитала, что бывшая пациентка обвинила его в сексуальных домогательствах. Но в то время такое часто случалось – обвинять врачей стало модно. Возможно, он не выспался и ему ничего другого в голову не пришло? Но скорее всего, он упрятал меня в психушку просто-напросто для того, чтобы прикрыть собственный зад.

Мою точку зрения объяснить сложнее. Я все сделала сама. Сама вошла в его кабинет, сама села в такси, сама поднялась по каменным ступеням и зашла в корпус, где располагалась администрация клиники МакЛин, после чего

прождала, если не ошибаюсь, минут пятнадцать, прежде чем подписать документ, который лишил меня свободы.

Но на ровном месте такое не происходит.

Во-первых, у меня было плохо с восприятием узоров. Восточные ковры, кафельная плитка, занавески... Но самое страшное – это полы в супермаркетах, похожие на бесконечную шахматную доску. Они обладали каким-то гипнотическим эффектом. Разглядывая узоры, я видела, что за ними скрыто. Я понимаю, как это звучит, но галлюцинаций у меня на самом деле не было. Я прекрасно знала, что передо мной пол или занавеска. Но узоры таили в себе обескураживающее количество образов и картинок. Я могла в них увидеть что угодно: лес, стаю птиц, групповую фотографию из второго класса. Ну то есть условный ковер оставался ковром, но это не отменяло моих «видений», и они меня изматывали. Жить с этим становилось все тяжелее.

Да и с восприятием других людей дела у меня обстояли не лучше. Когда я смотрела на чье-нибудь лицо, мне не всегда удавалось воспринимать его именно как лицо, а не как бессвязный набор черт. Когда начинаешь разбирать лицо на составные части, то вдруг замечаешь, насколько оно вообще странное: мягкое, неровное, с кучей всяких отверстий, причем некоторые из них мокрые. Это было полной противоположностью моей проблемы с узорами. В узорах я видела слишком много смыслов, лица же не обладали для меня вообще никаким смыслом.

Но не стоит думать, будто я просто сошла с ума, что я провалилась в кроличью нору и кубарем покатила в Страну чудес. Я, на свою беду (или счастье), всегда прекрасно понимала разницу между реальностью и моим восприятием реальности. Я никогда не верила своим «видениям». Более того, я даже понимала причины происходящего.

В настоящий момент, могла я сказать себе, ты чувствуешь себя отторженной от людей, не такой, как они, и потому проецируешь на них чувство собственного дискомфорта. Глядя на чье-нибудь лицо, ты видишь размазанное пятно, так как боишься, что у тебя самой размазанное пятно вместо лица.

Эта ясность позволила мне вести себя нормально, она же заставляла искать ответы на непростые вопросы. Возможно ли, что видения есть у всех, и

большинство людей только притворяются вменяемыми? И что тогда безумие, как не сознательное решение перестать притворяться? А если видения случаются не со всеми, то что с ними не так? Они слепые? Эти вопросы не давали мне покоя.

Я чего-то лишилась, какой-то оболочки или скорлупы, которая была призвана меня защищать. Я только не могла понять: это была моя личная оболочка, или же она покрывала всех и каждого. Но на самом деле это было неважно – какой бы она ни была, она все равно исчезла.

Что угодно может оказаться чем-то другим, – это я приняла как данность. Но раз так, то надо признать, что я могу быть сумасшедшей или что кто-нибудь посчитает меня сумасшедшей. Как я могла с уверенностью утверждать, что психически здорова, если у меня не было уверенности даже в том, что занавеска – это занавеска, а не горный хребет?

Но следует признать: я знала, что с ума не сошла.

В итоге чашу весов склонило мое неодолимое желание всегда все делать наперекор. Что бы со мной ни происходило, у меня был один ответ на любую проблему: отрицание. Когда я должна была бодрствовать, я спала; когда следовало говорить – молчала; когда какое-то удовольствие само плыло в руки, я его избегала. Мой голод, моя жажда, мое одиночество, моя скука, мой страх были орудиями, направленными на моего главного врага – окружающий меня мир. Конечно, миру от них было ни жарко ни холодно, а меня они страшно мучили, но я наслаждалась собственными страданиями. Они доказывали, что я еще существую. Казалось, что вся суть моей личности свелась к одному-единственному слову: «нет».

Так что когда подвернулся случай посидеть за решеткой, устоять я не могла. Это же самое большое «нет», которое только может быть, не считая разве что самоубийства.

Сомнительная логика, конечно. Но я же знала, что я не сумасшедшая и что меня не станут вечно держать под замком в психушке.

Прикладная топография

Две двери, между ними полтора метра пространства, где надо было подождать, пока медсестра закроет на ключ одну дверь и откроет другую.

Сразу при входе – три телефонные будки. Пара одиночных палат, гостиная и кухня (она же столовая). Все это производило на посетителей приятное первое впечатление.

Впрочем, за поворотом после гостиной все менялось.

Там начинался очень длинный коридор, слишком длинный. Семь-восемь двухместных палат с одной стороны, а с другой – дежурная комната медсестер, по бокам от которой располагались комната для совещаний и кабинет с ванной для гидротерапии. Психи налево, персонал направо. Туалеты и душевые тоже были по правую руку, напоминая нам о том, что персонал считает себя вправе следить за нами где угодно.

Доска, на которой зеленым мелом были написаны два десятка имен, напротив которых мы писали белым мелом: куда идем, во сколько уходим, во сколько возвращаемся – и так каждый раз, когда мы выходили из нашего отделения. Доска висела прямо напротив комнаты персонала. Если кому-то запрещалось покидать отделение, главная сестра тем же зеленым мелком делала пометку рядом с именем: «Не выпускать». А если у нас ожидалось пополнение, сестры записывали новое имя на доске, причем еще до того, как привезут новую пациентку. Если кто-то выписывался или умирал, то в память о них сестры на какое-то время оставляли их имена на доске.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/keyesen_syuzanna/prervannaya-zhizn

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)